

Научная статья
УДК 342.53
doi: 10.17223/15617793/482/27

Можно ли обеспечить в условиях демократии правление «лучших»?

Людмила Геннадьевна Коновалова¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, vaskova82@yandex.ru

Аннотация. Проводится анализ предложений различных исследователей по введению юридических рычагов для повышения уровня аристократичности в условиях демократического правления, включая инициативы введения образовательных или имущественных цензов на выборах, квот для интеллектуальных профессий в парламенте, профессионального представительства и т.п. Делается вывод о нецелесообразности подобных новелл, мотивируется мнение об исключительной ценности открытости демократической системы.

Ключевые слова: демократия, парламент, избирательные цензы, народ

Для цитирования: Коновалова Л.Г. Можно ли обеспечить в условиях демократии правление «лучших»? // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 252–258. doi: 10.17223/15617793/482/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/27

Is it possible to ensure the rule of the “best” in a democracy?

Lyudmila G. Konovalova¹

¹Altai State University, Barnaul, Russian Federation, vaskova82@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the advantages and disadvantages of democracy. Its various types and evaluations are considered. The main question that the author asks is whether democracy ensures the rule of the “best.” Such a formulation of the question is due to the fact that from the moment of its inception to the present, the idea of democracy has been associated with the hope for a “better” state administration, for the “best” representatives of society to come to power. At the same time, democracy is criticized for the lack of aristocracy, professionalism and efficiency of decisions made. An analysis is made of the proposals of various researchers on the introduction of legal levers to increase the level of aristocracy in a democratic government, including initiatives to introduce educational or property qualifications in elections, quotas for intellectual professions in parliament, professional representation, etc. The legal practice of some countries on the use of legal techniques to enhance the elitism of representation in parliaments (electoral colleges, partial appointment of members of the upper houses of parliaments, provision of additional votes in elections to certain categories of citizens) is considered. However, the conclusion is made about the inappropriateness of such novels; the opinion is motivated about the exceptional value of the openness of the democratic system, its ability to provide a potential opportunity for every citizen to participate in political decision-making. The subjectivity of the additional requirements for the elective body proposed for implementation is noted: they conflict with the idea of human dignity, which is the main achievement in the development of world history. It is suggested that socio-professional representation, although it is able to increase the number of channels for interaction between the state and civil society, still carries the danger of excessive pressure from corporations on its members, and can lead to excessive classness in society. Special attention is paid to the modern interpretation of popular sovereignty as a legal phenomenon that manifests itself in the course of a complex discourse, the process of finding a compromise. In this regard, hopes are pinned on minimizing the risks of “not the best” people coming to power democratically and implementing their “not the best” policy on the system of separation of powers, on the “discourse” of these authorities. The idea of foreign authors about the possibility of democracy to “defend”, including from unreasonable restrictions on the electoral right (the concept of “militant democracy”) is supported.

Keywords: democracy, parliament, electoral qualifications, people

For citation: Konovalova, L.G. (2022) Is it possible to ensure the rule of the “best” in a democracy? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 252–258. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/27

С момента своего зарождения и по настоящее время идея демократизма ассоциируется с надеждой на «лучшее» государственное управление, на приход к власти «лучших» представителей общества. Считается, что в

условиях демократического правления больше возможностей для реализации потенциала отдельных личностей в управлении и выше их персональная ответственность за принимаемые решения [1. С. 91]. Например, британ-

ский мыслитель XVII в. Дж. Гаррингтон обосновывал необходимость революции и расширения избирательных прав граждан с целью представления «народной мудрости» в парламенте [2. С. 13–46]. Русский правовед XIX в. Б.Н. Чичерин так характеризовал представительную демократию: «В представительной системе более четко формулируются права большинства и меньшинства. Важно, что общественное мнение становится выражением народной воли, участия народа в делах государства... Система противодействует личным амбициям, а с другой стороны, дает возможность проявления лучших качеств отдельной личности...» [3. С. 65]. В пункте 5 Документа Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 г. подчеркивается, что «к числу элементов справедливости, которые существенно необходимы для полного выражения достоинства, присущего человеческой личности, и равных неотъемлемых прав всех людей, относится представительная по своему характеру форма правления, при которой исполнительная власть подотчетна избранным законодательным органам или избирателям» [4].

В то же время еще с глубокой древности демократия критиковалась именно за отсутствие аристократичности, профессионализма и за угрозу подчинения государства прихотям и низменным потребностям толпы. Например, один из известных «семи мудрецов Греции» – Бриант из Приены (VI в. до н.э.) применительно к народоправству городов-полисов писал: «Большинство – зло. Худших – везде большинство» [5. С. 29]. Геродот, Перикл, Платон, Аристотель также отрицали демократию по причине несовершенства манеры общения и низкого уровня духовности среди основной массы населения [6. С. 445]. Так, по Платону, демократия – это власть завистливых бедняков, которая неминуемо влечет за собой тиранию [7. С. 45]. Схожим образом Аристотель называл демократией правление большинства неимущих граждан в интересах исключительно данного большинства. Он считал такое правление искажением идеальной формы народовластия – политии [8. С. 56]. Известный русский философ И.А. Ильин упрекал демократию за ее «неизбывную беременность охлократией» и требовал от народа в условиях демократии уверенного и живого чувства государственной ответственности [9. С. 29]. Современный американский публицист Дж. Натан остроумно замечает: «Плохие государственные деятели избираются хорошими гражданами, не участвующими в голосовании» [10. С. 97].

Апеллируя фактами прихода к власти демократическим путем далеко не «лучших» представителей общества, многие современные авторы связывают эффективность демократических институтов с требованиями к народу вообще и к избирателям и избираемым в частности. Р. Инглхарт и К. Вельцель в связи с этим пишут: «Подлинная демократия – не механизм, который достаточно завести, чтобы он работал автоматически. Ее дееспособность зависит от народа» [11. С. 47]. Популярными являются утверждения о том, что демократия требует определенного уровня благосостояния в государстве, политической грамотности и

активности электората, развитого правосознания граждан, наличия гражданского общества [10. С. 96–99; 12. С. 56].

До настоящего времени в юридической литературе наблюдается некоторая ностальгия по аристократическим приемам властвования. Отдельные исследователи даже предлагают создать какие-либо юридические рычаги для повышения уровня аристократичности властных элит, не отступая от основных демократических принципов. Такого рода инициативы связаны с идеями введения образовательных или имущественных цензов на выборах, квот для интеллектуальных профессий в парламенте, предоставлением неравного числа голосов избирателям в зависимости от их социального статуса [3. С. 272; 13. С. 35–65; 14. С. 4; 15. С. 280; 16. С. 21; 17. С. 54–60]. Оригинальным является предложение одного из мэтров отечественного конституционализма М.А. Краснова об установлении на основе квалификационного экзамена регистрации избирателей, порождающей обязанность и привилегию участвовать в выборах [18. С. 13–29].

В качестве постановки вопроса обсуждается приемлемость введения корпоративного представительства в современном парламенте [19. С. 194–206]. Речь идет о замене территориальных избирательных округов социально-профессиональными единицами представительства, т.е. об избрании членов представительных органов на собраниях и конференциях членов различных ассоциаций: бизнес-сообществ, работников различных секторов экономики, профсоюзов, иных социально-экономических и социально-культурных объединений. Предполагается, что такой переход имел бы своим следствием не только коренное изменение единиц представительства, но и окончание эры монополизма политических партий в избирательном процессе. Подобные предложения имеют очевидные достоинства: расширение социальной базы народного представительства, увеличение числа каналов взаимодействия государства и гражданского общества, обогащение механизмов выражения и согласования различных социальных интересов, более осмысленный характер выбора голосующих, так как по месту работы или общественной деятельности люди общаются активнее, чем по месту жительства. Однако социально-профессиональное представительство имеет и несомненные весьма серьезные недостатки. Главные из них – это резкое увеличение возможностей для давления на избирателей и контроля за их волеизъявлением в условиях проведения голосования в коллективе; подавление возможности индивидуального выбора гражданами; высокая вероятность проведения через корпоративное голосование интересов не самих корпораций и их членов, а их руководителей; опасность сращивания бизнеса и власти; технические трудности размежевания населения на корпорации [20. С. 280; 21. С. 69–71].

Конституционно-правовая практика некоторых стран демонстрирует использование юридических приемов для усиления элитарности представительства в парламентах, среди которых можно назвать коллегии выборщиков в США, частичную назначае-

членов верхних палат парламентов в Италии, Индии, Чили, предоставление дополнительных голосов на выборах по бельгийской конституции 1893 г. отцам семейств, имеющим образование или определенный уровень доходов [13. С. 46; 18. С. 22]. Однако в настоящее время подобная практика ограничивается, а избирательное право имеет тенденцию к еще большему расширению за счет снижения возрастного порога, предоставления избирательных прав иностранцам, осужденным и т.д. [22. С. 113–125] Элементы социально-профессионального представительства существовали в недемократических странах: в фашистской Италии 1939 г. парламент был заменен на Национальный совет корпораций, в первые годы советской власти съезды советов нижнего звена формировались на собраниях трудящихся по месту работы. Демократические страны настороженно относятся к корпоративному представительству, используя его лишь при частичном комплектовании верхних палат парламента (Ирландия, Словения и Марокко). Например, в 1969 г. во Франции отрицательный ответ был получен на референдуме по вопросу о возможности переходе к социально-профессиональному принципу представительства [20. С. 282].

Концепция демократии зиждется на основном постулате – признании равноценности каждой личности и свободе [1. С. 379]. Это связано с глобальной идеей человеческого достоинства [23. С. 87]. «Цементом демократического здания является понимание и принятие человека во всем его многообразии, в его слабости и в его величии» [24. С. 11]. Еще А. Эсмен доказывал, что нельзя найти достоверных признаков для выявления тех, которые в социуме являются наиболее достойными, лучшими, мудрыми [25. С. 199]. Мировая история продемонстрировала трагические примеры политических режимов, которые пытались использовать какие-либо критерии элитарности в осуществлении государственной власти на практике, включая фашизм, национализм, абсолютизм.

Очень ярко проблему недоверия к компетентности суверена (народа) и избирателей в своих трудах описывает А. Шайо. Существо этой проблемы автор связывает с практикой использования популистскими демократиями народного волеизъявления для эрозии ограничения власти и конституционных гарантий. По его мнению, кризис доверия к институтам демократии – следствие издержек глобализации, результат невостребованности обществом либеральных идей, господства фальшивых ценностей (национализма и ложного патриотизма), а также ошибочных стратегий конституционного развития (когда во имя демократии подрывается конституционализм). Мыслитель призывает мировое сообщество защищать ценности демократии и конституционализма, не уходя в соблазны «рационализированных» и популистских форм правления [26. С. 132–133].

Подобное стремление защитить базовые ценности демократии повлекло за собой появление целой научной теории, которую обычно называют концепцией «воинствующей демократии». Эта концепция предполагает противодействие разного рода радикальным

движениям, борьбу с экстремизмом и призывами свергнуть демократический строй, возможности некоторого ограничения пассивного и активного избирательного права в целях недопущения прихода к власти разрушающих конституционный строй сил [27. С. 3–10; 28. С. 49; 29. С. 170]. Даже Европейский суд по правам человека признает правомерной «способность демократии защищаться» при всей «терпимости, свойственной демократическому обществу» [22. С. 116].

В современной конституционно-правовой науке определенная ставка на минимизацию рисков прихода к власти демократическим путем «не лучших» людей и осуществления ими «не лучшей» политики делается на систему разделения властей. Поскольку общая воля народа стала восприниматься как дискурс, а демократия как технология, презюмируется, что несовершенство демократического процесса может быть восполнено судебским вмешательством, преимущественно посредством судебного контроля законодательства и политических ветвей власти в целом [30. С. 65; 31. С. 55–72]. Взаимодействие же законодательной власти с исполнительной, наличие аппаратов парламентов позволяет несколько повысить «профессионализм» законотворчества. При этом продолжает восприниматься как исключительная ценность открытость демократической системы, ее способность предоставить потенциальную возможность *каждому* гражданину поучаствовать в принятии политических решений [32. С. 17–28; 33. С. 26; 34. С. 67].

Частично описываемая дискуссия перекликается с административно-правовыми подходами деления представителей органов власти на политических и рядовых или на государственных служащих и лиц, замещающих государственные должности. Мировая практика свидетельствует о том, что к лицам, замещающим государственные должности (к политическим должностям), в отличие от рядовых госслужащих, не устанавливаются жесткие квалификационные требования и право регулирует их статус только фрагментарно, уступая место политическим процессам. В современных государствах не устанавливаются требования к образованию, опыту работы, аттестации президентов, министров, аудиторов, омбудсменов и других политических должностных лиц, поскольку преобладает представление об определенной условности дипломов об образовании, аттестационных показателей и других параметров в определении талантов, харизмы, образа мышления людей [35. С. 674; 36. С. 10–17; 37. С. 36; 38. С. 153; 39. С. 847]. Аналогично с этим невозможно вписать в жесткие параметры личность избирателя. Страдают определенным снобизмом и явным субъективизмом предложения по установлению требований к избирательному корпусу. Они вступают в противоречие с идеей человеческого достоинства, являющейся главным достижением развития мировой истории.

Очень ярко на запрос профессионализации и аристократизации демократии ответил А. де Токвиль: «Демократическая свобода не так совершенна во всех своих начинаниях, как разумный диктатор. Часто она

бросает свои предприятия прежде, чем они начинают приносить результаты, нередко затевает опасные дела. Однако со временем она приносит больше пользы, чем деспотизм. Каждая вещь в отдельности получается у нее хуже, но в целом она делает значительно больше. В демократической республике большие дела вершатся не государственной администрацией, а без нее и помимо нее. Демократия – это не самая искусная форма правления, но только она подчас может вызвать в обществе бурное движение, придать ему энергию и исполинские силы, неизвестные при других формах правления» [40. С. 192].

Обращает на себя внимание также отсутствие в современных парламентах сословных, профессиональных или расовых палат, как это имело место в истории (Испанские Генеральные кортесы в период сословно-представительной монархии; палаты «белых», «цветных» и индийцев в ЮАР 1984 г.; шесть палат парламента Югославии 1970-х гг.), за исключением незначительных элементов квотирования для некоторых социальных групп. Однако в юридической литературе отмечается определенная актуальность классового деления и для современных обществ, а часто высказывается сетование на то, что в парламентах мало учителей, врачей, рабочих, юристов или представителей других профессий. Л. Дюги в начале XX в. предлагал всю верхнюю палату парламента формировать по профессиональному принципу [41. С. 529–534]. Даже в юридической литературе XXI в. встречаются инициативы введения корпоративной системы народного представительства [19. С. 194]. Почему же современная государственность не предпринимает попыток для формирования палат по профессиональному или классовому (имущественному) принципу в каком-либо обновленном варианте? Может быть такие палаты примирили бы, наконец, интересы бедных и богатых, предпринимателей и наемных работников, чиновников и налогоплательщиков?

Интересна в этом плане позиция американских авторов Дж. Фильда и С. Госнелла, рассматривающих демократию как инструмент для смягчения групповых противоречий. Они утверждают, что, если «люди будут рассматривать себя в первую очередь как банкиры, шахтеры, промышленники, рабочие сталелитейной промышленности, фермеры, и лишь во вторую очередь как граждане, то станет невозможным достижение компромисса между групповыми интересами демократическими средствами, и одна из групп станет силой навязывать другим свою волю» [42. С. 209]. Думается, что такая классовая завуалированность действительно соответствует интересам современного государства. Поэтому у различных социальных групп в условиях демократии остаются более сложные рычаги воздействия на парламент, чем собственная палата, – профсоюзы, выборы, публичные манифестации, участие в деятельности партий и т.п.

В целом достоинствами демократии считаются ее открытость и терпимость к инакомыслию, плюралистичность; принятие политических решений в условиях конкурентной борьбы за голоса избирателей; возможность мирной смены правительств; создание усло-

вий для раскрытия творческого потенциала отдельных личностей; признание равенства и свободы граждан; противодействие бюрократизации государственного управления [40. С. 19; 43. С. 150; 44. С. 55; 45. С. 79]. Нередко демократия ассоциируется с правовой защитой человеческого достоинства, с сопротивлением чиновничьему произволу, с экономическим процветанием и правовым государством [18. С. 18].

Демократия критикуется за то, что не гарантирует принятия справедливых решений; за создание у широких слоев населения иллюзии участия в управлении; за произвольность трактовки воли большинства; за мифичность конструкции правления большинства; за то, что не обеспечивает выбор «достойных» правителей; за популизм и за потенциальную угрозу разрушения демократических ценностей самими же демократическими приемами; за опасность «психологии толпы», подверженной влиянию и способной к разрушению [13. С. 7; 42. С. 215; 46. С. 12–24]. Демократия может вызывать негативные эмоции в связи с имеющейся практикой вмешательства отдельных держав (особенно США) в политику иных стран в целях отстаивания своих экономических интересов под предлогами демократизации их управленческих процедур [47. С. 9].

Недостатки демократических процедур привели к появлению концепций «элитарной демократии», «управляемой демократии», «демократии партий», акцентирующих внимание на демократии как на инструменте для манипулирования общественным мнением со стороны правящих элит. Вместе с тем глубокие исследования демократии, как привило, заканчиваются фразами, созвучными известному изречению У. Черчилля, о том, что лучшей формы управления государством пока не придумали [13. С. 7]. В этой связи уместно процитировать Л.А. Нудненко: «Демократия не гарантирует эффективности, хорошего правительства, высокой организованности, решения социальных, экономических проблем, но расширяет возможности для их решения гуманными способами» [1. С. 58].

В этом плане несколько «осовременил» базовую юридическую конструкцию демократии – конструкцию народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо, западный философ Ю. Хабермас, по мысли которого выявление «общей воли» не должно сводиться собственно к процедурам голосования избирателей за представителей, а депутатов – за законопроекты. «Общая воля» должна быть результатом демократического дискурса, последствием широкого демократического взаимодействия между парламентом и обществом и проходить через многие ступени и процедуры демократического обсуждения [30. С. 65–72]. Этот процедурный подход к восприятию народного суверенитета становится очень популярным с учетом современной сложности решаемых государственно-правовых вопросов и необходимости тонкого маневрирования между интересами большинства и меньшинства.

Таким образом, демократизм является одним из системообразующих принципов современной государственности и значимой теоретической конструкцией.

Восприятие отношений народного представительства через использование всеобщих равных выборов направлено на реализацию равенства и свободы всех членов общества, предполагающих предоставление каждому гражданину, вне зависимости от пола, имущественного положения, образования, социального статуса, права принимать участие в управлении делами государства. Эта конструкция имеет глубокую взаимосвязь с идеей неотчуждаемости достоинства личности, хотя и не гарантирует приход к власти «лучших» представителей общества. Демократизм не гарантирует и принятия «лучших» управленческих решений, он лишь

предполагает выработку этих решений в условиях дискурса и гуманизма. Отсутствие в современных парламентах сословных, профессиональных или расовых палат связано с задачей смягчения противоречий между различными социальными группами при принятии публично-значимых решений. Ценность демократических приемов властвования является непреходящей и не уменьшается абстрактностью взаимоотношений между народом и органами власти, практикой популизма, трудностями решения экономических вопросов, глобализацией, появлением новых информационных технологий и мировых вызовов.

Список источников

1. Нудненко Л.А. Теория демократии. М. : Юрист, 2001. 95 с.
2. Сапрыкин Ю.М. Политическое учение Гаррингтона: Из истории идейно-политической борьбы в годы английской буржуазной революции XVII в. М. : Мысль, 1975. 202 с.
3. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М. : Типография товарищества И.Д. Сытина, 1899. 204 с.
4. Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М. : Норма-инфра-М, 1999. С. 654–655.
5. Хоромин Н.Я. Энциклопедия мудрости. М. : Русская книга, 2004. 576 с.
6. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1984. 416 с.
7. Платон. Государство // Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1994. С. 149–187.
8. Аристотель. Политика / Под общ. Ред. А.И. Доватура. М. : Юрайт, 2019. 297 с.
9. Ильин И.А. Наши задачи. Волгоград : Волгоград. техн. ун-т, 1997. 93 с.
10. Вельяминов Г.М. К вопросу о понятиях государства, власти и суверенитета // Государство и право. 2014. № 4. С. 96–99.
11. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.
12. Грудцына Л.Ю. Народ, гражданское общество и конституция // Государство и право. 2014. № 1. С. 56–62.
13. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М. : Норма, 2008. 144 с.
14. Мау В. Демократия должна себя защитить // Известия. 1999. 14 мая. С. 4–5.
15. Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М. : РАН, 1992. С. 5–11.
16. Грудцына Л.Ю. Избирательная демократия // Государство и право. 2017. № 8. С. 21–26.
17. Аузан А.А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 54–60.
18. Краснов М. Избиратель как «должность» // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 13–29.
19. Насыров Р.В. Фрактальность как принцип организации и функционирования системы публичной власти: постановка вопроса // Государство и местное самоуправление: современные вызовы. К 140-летию Барнаульской городской Думы / под ред. А.А. Васильева, И.Н. Васева, Ю.А. Зеленина, К.А. Синкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 194–207.
20. Алебастрова И.А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Высшая школа экономики, 2016. 555 с.
21. Чиркин В.Е. Способы формирования верхних палат современного парламента: достоинства и недостатки // Гражданин и право. 2012. № 7. С. 3–11.
22. Джагарян А. Основания и пределы воинствующей демократии в свете ограничения избираемости лиц с криминальным прошлым // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 6 (97). С. 113–125.
23. Невинский В.В. Немецкие граждане в зеркале основополагающих принципов конституции ФРГ. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. 216 с.
24. Шлезингер А.М. Демократия и лидерство // Городское управление. 1996. № 3. С. 3–12.
25. Эсмен А. Общее основание конституционного права / пер. с фр. Н.О. Бер. СПб. : Изд-во О.Н. Попова, 1909. 357 с.
26. Медушевский А. Свобода или подозрительность: как защитить либеральный конституционализм от его противников? Рецензия: Sajo A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism. Oxford : Oxford University Press, 2017 // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 3 (124). С. 124–135.
27. Шайо А. Самозащита конституционного государства // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 2004. № 2 (47). С. 14–21.
28. Красинский В.В. лишение избирательного права в зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. № 4 (15). С. 49–52.
29. Шайо А. Злоупотребление основными правами, или Парадоксы преднамеренности // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2(63). С. 162–182.
30. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М. : КАМІ, 1995. 252 с.
31. Шайо А. Высшие суды как представители, или Представительство без представителей // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 6 (97). С. 55–73.
32. Арановский К.В., Князев С.Д. Конституция и безопасность // Государство и право. 2018. № 1. С. 17–28.
33. Румянцев А. Минимальная теория демократии: смысл и пределы возможного // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3 (100). С. 24–41.
34. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия : пер. с англ. / общ. ред В.С. Автономова. М. : Экономика, 1995. 540 с.
35. Административное право России : курс лекций / под ред. Н.Ю. Хамановой. М. : ТК Велби, 2008. 704 с.
36. Акулов В.И., Соломатина Е.А. Административно-правовое регулирование государственной службы в Германии // Административное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 10–17.
37. Браташова Ю.А. Правовое регулирование этики и служебного поведения государственного гражданского служащего Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 36–39.
38. Севальнев В.В., Цирин А.М. Опыт лучших практик государственной службы Китая и России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 153–159.
39. Хабибулина О.В. Правовой режим государственной службы // Lex Russica. 2013. № 8. С. 847–856.
40. Токвиль А. де Демократия в Америке / пер с фр. Г.Д. Ласки. М. : Весь Мир, 2000. 559 с.

41. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М. : Типография тов-ва И.Д. Сытина, 1908. 957 с.
42. Левин И.Д. Современная буржуазная наука государственного права: критика основных направлений. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. 399 с.
43. Дорошенко А. Качество демократии: проблема контроля над бюрократией // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3 (60). С. 150–155.
44. Протасов В.Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. 2017. № 10. С. 55–61.
45. Heady F. Public Administration: A Comparative Perspective. New York : M. Dekker, 1991. 453 p.
46. Марченко М.Н. Демократия как атрибут правового государства и ее изъяны // Государство и право. 2014. № 5. С. 14–24.
47. Эбзеев Б.С. Глобализация и становление транснационального конституционализма // Государство и право. 2017. № 1. С. 5–15.

References

1. Nudnenko, L.A. (2001) *Teoriya demokratii* [The theory of democracy]. Moscow: Yurist.
2. Saprykin, Yu.M. (1975) *Politicheskoe uchenie Garringtona: Iz istorii ideyno-politicheskoy bor'by v gody angliyskoy burzhuanoy revolyutsii XVII v.* [The political doctrine of Harrington: From the history of the ideological and political struggle during the English bourgeois revolution of the 17th century]. Moscow: Mysl'.
3. Chicherin, B.N. (1899) *O narodnom predstavitel'stve* [On popular representation]. Moscow: Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytina.
4. Anon. (1999) Document of the Copenhagen meeting of the conference on the human dimension of the CSCE. In: *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka. Sbornik dokumentov* [International Human Rights Acts. Collection of documents]. Moscow: Norma-infra-M. pp. 654–655. (In Russian).
5. Khoromin, N.Ya. (2004) *Entsiklopediya mudrosti* [Encyclopedia of Wisdom]. Moscow: Russkaya kniga.
6. Aristotle. (1984) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
7. Plato. (1994) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 149–187.
8. Aristotle. (2019) *Politika* [Politics]. Moscow: Yurayt.
9. Il'in, I.A. (1997) *Nashi zadachi* [Our tasks]. Volgograd: Volgograd Technical University.
10. Vel'yaminov, G.M. (2014) K voprosu o ponyatiyakh gosudarstva, vlasti i suvereniteta [On the concepts of state, power and sovereignty]. *Gosudarstvo i pravo*. 4. pp. 96–99.
11. Inglehart, R. & Welzel, C. (2011) *Modernization, cultural change, and democracy. The human development sequence*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
12. Grudtsyna, L.Yu. (2014) Narod, grazhdanskoe obshchestvo i konstitutsiya [The People, Civil Society and the Constitution]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 56–62.
13. Kerimov, A.D. (2008) *Sovremennoe gosudarstvo: voprosy teorii* [The modern state: issues of theory]. Moscow: Norma.
14. Mau, V. (1999) Demokratiya dolzhna sebya zashchitit' [Democracy must protect itself]. *Izvestiya*. 14 May. pp. 4–5.
15. Berdyaev, N.A. (1992) Krizis intellekta i missiya intelligentsii [The Crisis of the Intellect and the Mission of the Intelligentsia]. In: Novikova, L.I. & Sizemskaya, I.N. (eds) *Intelligentsiya. Vlast'. Narod. Antologiya* [Intelligentsia. Power. People: An Anthology]. Moscow: RAS. pp. 5–11.
16. Grudtsyna, L.Yu. (2017) Electoral democracy. *Gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 21–26. (In Russian).
17. Auzan, A.A. (2007) "Koleya" rossiyskoy modernizatsii [The "track" of Russian modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 6. pp. 54–60.
18. Krasnov, M. (2017) Voter as a "position". *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 4 (119). pp. 13–29. (In Russian).
19. Nasyrov, R.V. (2018) Fraktal'nost' kak printsip organizatsii i funktsionirovaniya sistemy publichnoy vlasti: postanovka voprosa [Fractality as a principle of organization and functioning of the public authority system: posing the question]. In: Vasev, Yu.A. et al. (eds) *Gosudarstvo i mestnoe samoupravlenie: sovremennye vyzovy. K 140-letiyu Barnaul'skoy gorodskoy Dumy* [State and local self-government: modern challenges. To the 140th anniversary of the Barnaul City Duma]. Barnaul: Altai State University. pp. 194–207.
20. Alebastrova, I.A. (2016) *Printsip sotsial'noy solidarnosti v konstitutsionnom prave* [The principle of social solidarity in constitutional law]. Law Dr. Diss. Moscow: HSE.
21. Chirkin, V.E. (2012) Sposoby formirovaniya verkhnikh palat sovremennogo parlamenta: dostoinstva i nedostatki [Ways of forming the upper houses of the modern parliament: advantages and disadvantages]. *Grazhdanin i pravo*. 7. pp. 3–11.
22. Dzhangarian, A. (2013) Osnovaniya i predely voynstvuyushchey demokratii v svete ogranicheniya izbiraemosti lits s kriminal'nym proshlym [Foundations and limits of militant democracy in the light of limited electability of persons with a criminal past]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 6 (97). pp. 113–125.
23. Nevinskiy, V.V. (1994) *Nemetskie grazhdane v zerkale osnovopolagayushchikh printsiptov konstitutsii FRG* [German citizens in the mirror of the fundamental principles of the FRG Constitution]. Barnaul: Altai State University.
24. Shlezinger, A.M. (1996) Demokratiya i liderstvo [Democracy and leadership]. *Gorodskoe upravlenie*. 3. pp. 3–12.
25. Esmen, A. (1909) *Obshchee osnovanie konstitutsionnogo prava* [The general basis of constitutional law]. Translated from French by N.O. Ber. St. Petersburg: Izd-vo O.N. Popova.
26. Medushevskiy, A. (2018) Freedom or Suspiciousness: How to Protect Liberal 124 Constitutionalism From Its Enemies a Book Review Sajo A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism. Oxford : Oxford University Press, 2017. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 3 (124). pp. 124–135. (In Russian).
27. Shayo, A. (2004) Samozashchita konstitutsionnogo gosudarstva [Self-defense of the constitutional state]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochno-evropeyskoe obozrenie*. 2 (47). pp. 14–21.
28. Krasinskiy, V.V. (2008) lishenie izbiratel'nogo prava v zarubezhnykh stranakh [Deprivation of the right to vote in foreign countries]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 4 (15). pp. 49–52.
29. Shayo, A. (2008) Zloupotrebleniye osnovnymi pravami, ili Paradoksy prednamerennosti [Abuse of fundamental rights, or paradoxes of intentionality]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2(63). pp. 162–182.
30. Habermas, J. (1995) Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. Moskovskie lektsii i interv'yuy [Democracy. Intelligence. Moral. Moscow lectures and interviews]. Moscow: KAMI.
31. Shayo, A. (2013) Vysshie sudy kak predstaviteli, ili Predstavitel'stvo bez predstaviteley [Supreme courts as representatives, or Representation without representatives]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 6 (97). pp. 55–73.
32. Aranovskiy, K.V. & Knyazev, S.D. (2018) Constitution and security. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 17–28. (In Russian).
33. Rummyantsev, A. (2014) Minimal'naya teoriya demokratii: smysl i predely vozmozhnogo [Minimal theory of democracy: meaning and limits of the possible]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 3 (100). pp. 24–41.
34. Schumpeter, J. (1995) *Capitalism, socialism and democracy*. Moscow: Ekonomika. (In Russian).
35. Khamaneva, N.Yu. (ed.) (2008) *Administrativnoe pravo Rossii: kurs lektsiy* [Administrative law of Russia: lectures]. Moscow: TK Velbi.
36. Akulov, V.I. & Solomatina, E.A. (2010) Administrativno-pravovoe regulirovaniye gosudarstvennoy sluzhby v Germanii [Administrative and legal regulation of public service in Germany]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. 11. pp. 10–17.

37. Bratashova, Yu.A. (2014) Pravovoe regulirovanie etiki i sluzhebnogo povedeniya gosudarstvennogo grazhdanskogo sluzhashchego Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation of ethics and official behavior of a state civil servant of the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 5. pp. 36–39.
38. Seval'nev, V.V. & Tsirin, A.M. (2018) Experience of the Best Practices of Public Service of China and Russia. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 6. pp. 153–159. (In Russian).
39. Khabibulina, O.V. (2013) Pravovoy rezhim gosudarstvennoy sluzhby [Legal regime of public service]. *Lex Russica*. 8. pp. 847–856.
40. de Tocqueville, A. (2000) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Translated from French. Moscow: Ves' Mir.
41. Dyugi, L. (1908) *Konstitutsionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva* [Constitutional law. General theory of the state]. Moscow: Tipografiya tov-va I.D. Sytina.
42. Levin, I.D. (1960) *Sovremennaya burzhuaznaya nauka gosudarstvennogo prava: kritika osnovnykh napravleniy* [Modern bourgeois science of state law: criticism of the main trends]. Moscow: USSR AS.
43. Doroshenko, A. (2007) Kachestvo demokratii: problema kontrolya nad byurokatiy [The quality of democracy: the problem of control over the bureaucracy]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 3 (60). pp. 150–155.
44. Protasov, V.N. (2017) Irrational Methods of Ruling as a Tool of Self-Preservation and Expansion of Bureaucratically Organized Control Systems. *Gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 55–61. (In Russian).
45. Heady, F. (1991) *Public Administration: A Comparative Perspective*. New York: M. Dekker.
46. Marchenko, M.N. (2014) Demokratiya kak atribut pravovogo gosudarstva i ee iz'yany [Democracy as an attribute of the rule of law and its flaws]. *Gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 14–24.
47. Ebzeev, B.S. (2017) Globalizatsiya i stanovlenie transnatsional'nogo konstitutsionalizma [Globalization and the Emergence of Transnational Constitutionalism]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 5–15.

Информация об авторе:

Коновалова Л.Г. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: vaskova82@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.G. Konovalova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vaskova82@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.07.2022;
одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 12.07.2022;
approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.*